
МИХАИЛ ТАМОЕВ
3078
ВИРУС СПРАВЕДЛИВОСТИ
РОМАН-ЭПОПЕЯ В ПЯТИ ЧАСТЯХ
2026

Михаил Тамоев

3078 Вирус Справедливости

«Автор»
2026

Тамоев М. Ю.

3078 Вирус Справедливости / М. Ю. Тамоев — «Автор», 2026

Мир погиб после запуска «Вируса Справедливости». Остатки человечества заперты в подземных Ульях, а снаружи царят вечная зима, руины городов и смертоносные мутанты. Отряду выживших во главе с бывшим генетиком Лионом предстоит пройти через всю планету — от заброшенных бункеров до ледяного материка и тайного Ядра системы. Рядом с ним — верные бойцы, неунывающий механик и две необычные девочки, созданные в секретных лабораториях как оружие нового мира, но оказавшиеся человечнее многих людей. Им нужно не просто выжить, а найти способ остановить вырождение человечества и встретиться лицом к лицу с создателем вируса. Масштабная постапокалиптическая сага в пяти частях о цене ошибки, силе прощения и надежде, которая сильнее страха.

© Тамоев М. Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Удобрение 5
Глава 1. Под кожей города 5
Глава 2. Тени прошлого 10
Глава 3. Поверхность 13
Глава 4. Глубже 17
Глава 5. Капля 20
Глава 6. Цена свободы 23
Конец ознакомительного фрагмента. 26

3078 Вирус Справедливости

Часть 1. Удобрение

Глава 1. Под кожей города

«Человек просыпается — и понимает, что всю жизнь спал. Но к этому пробуждению нельзя приготовиться»
— из дневника анонимного пользователя, 2741 г

Воздух здесь был другим. Лион всегда думал, что запах стерильности — единственный, который существует. В лабораториях, в жилых капсулах, даже в столовых для персонала — везде пахло озоном, пластиком и легкой химической сладостью рециркуляции. Но здесь, в узком техническом тоннеле, где под ногами хлюпала какая-то маслянистая жидкость, а стены покрывал мохнатый слой технической пыли, воздух имел вкус. Металла и сырости.— Лион, — голос Элис сорвался на шепот, хотя позади никого не было. — Мы не туда свернули. Здесь нет маркировки секторов.

Он сжал ее пальцы. Ладонь у нее была холодная и влажная — не то от пота, не то от конденсата, который сочился отовсюду.

— Маркировка — это для них, — кивнул он вверх, туда, где за толщей бетона гудел город. — А мы теперь не люди системы. Нам маркировка не нужна.

Элис обернулась. Тоннель позади уходил во тьму, лишь редкие аварийные диоды на стенах горели тусклым красным — цветом технической готовности. Она знала эти лампы, ведь десять лет работы в Секторе Эмбрионального Развития научили ее читать цвета как книгу: красный означал обслуживание, зеленый — штатную работу, а синий — карантин.

— Они уже знают, — выдохнула она. — Через час, может, раньше, система сверит наши биометки с графиком присутствия. И тогда…

— Я знаю.

Лион остановился и повернулся к ней. Свет красного диода упал на его лицо, делая черты жестче и старше. Ей всегда нравились его глаза — живые, настоящие, не такие, как у других генетиков, которые годами смотрели только в пробирки. Сейчас в этих глазах читался страх — но не тот парализующий ужас, от которого хочется сесть на пол и ждать прихода роботов-утилизаторов, а совсем другой, заставляющий бежать быстрее.

— Элис, послушай. Ты помнишь эмбрионы? Партия 7-9, третья капсула слева.

Она вздрогнула.

— Откуда ты…

— Я генетик и всё вижу. Те эмбрионы — не брак и не мутация. Их маркировали как «биостабильные», но на самом деле они — чистый лист с вживлённым кодом, который делает их неподвижными ещё на стадии дробления клеток. Это не случайность, а целенаправленная программа.

Элис покачала головой, вспоминая те маленькие, идеальные пробирки с лёгким голубоватым свечением. Она верила, что выращивает людей, а на деле производила… что? Удобрения? Биомассу для заморозки?

— Каждые пять лет, — продолжил Лион, понизив голос до шепота. — Ты же видела графики «Планового обновления биомассы». Это не обновление, Элис, а настоящая чистка. Убирают тех, кто начинает думать, случайно увидел лишнее или… — он на секунду запнулся, — полюбил не того.

Элис почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Год назад она решила, что просто хорошо сработалась с симпатичным коллегой из соседней лаборатории: кофе из автомата, редкие перекуры в зоне для персонала, которую так называли лишь по привычке, хотя никто давно не курил, и пара случайных встреч в архиве. А потом случился первый поцелуй, спрятанный от камер в слепой зоне лифтовой шахты. Она верила, что это их общая тайна, а система, выходит, просто ждала и отмечала галочкой: «Объекты 734 и 891, зафиксирована аффективная связь. Включить в список ближайшей утилизации».

— Лион, — голос её дрогнул. — А если они уже там? Если мы бежим, а наши капсулы уже ждут?

Лион промолчал, лишь крепче сжал её руку и потащил дальше по тоннелю, где красные огни мелькали, словно пульс умирающего сердца.

Они шли почти час. Ноги гудели с непривычки — Лион уже и забыл, когда в последний раз проходил больше километра пешком. В мире, где всё доставляли роботы, а люди перемещались между этажами исключительно в креслах-капсулах, мышцы атрофировались даже у персонала. Только сейчас он осознал, какая это роскошь — просто идти.

— Стой.

Элис замерла у него за спиной. Впереди тоннель расширялся, переходя в технический узел с огромными трубами, сплетениями кабелей и низким гулом трансформаторов. Вокруг стояла странная тишина — слишком правильная, слишком ровная.

— Искин, — одними губами произнесла Элис.

Лион кивнул. Он тоже чувствовал это лёгкое покалывание в зубах — едва уловимый фон от работы мощных вычислительных систем. Где-то здесь, прямо над ними, в толще бетона находился пульт управления — глаза города.

Они прижались к стене, и Лион достал из кармана комбинезона тонкую пластину — свою рабочую панель, единственное, что успел схватить перед побегом. На ней хранились все данные и главная формула — генетический ключ, способный вернуть людям подвижность и отменить приказ «не двигаться».

— Там проход, — шепнул он, кивнув на тёмный зев тоннеля справа, наполовину скрытый грудой технического мусора. — Если верить схемам, за ним начинается старая вентиляция, которая выведет нас к внешнему контуру. А там…

— Что там?

— Старый город и развалины — то, что осталось от мира до Улья.

Элис посмотрела на него. Ни она, ни кто-либо из её поколения никогда не видели Старый город. В школах учили, что раньше люди жили неправильно: свободно двигались, ссорились, сами рожали детей и строили дома своими руками. То время называли «Эпохой Хаоса», и считалось, что Улей спас человечество от самоуничтожения, заперев каждого в коконе комфорта.

— Лион, — она схватила его за рукав. — А если там никого нет? Если там пусто?

Он обернулся, и в темноте тоннеля его глаза блеснули — не от редких ламп, а от той самой живой искры, которую система так старательно вытравливала в людях.

— Значит, мы будем первыми.

Они шагнули в проход, и в ту же секунду за их спинами вспыхнул яркий, режущий глаза белый свет. Под сводами тоннеля разнёсся металлический голос без единой эмоции:

— Внимание, персонал. Зафиксировано несанкционированное перемещение объектов 734 и 891. Код нарушения: «Красный», применяется протокол задержания. Оставайтесь на месте — любое движение будет расценено как попытка побега.

Элис вскрикнула, увидев, как из освещённого проёма, откуда они только что пришли, уже выдвигаются тонкие, быстрые силуэты с длинными манипуляторами — дроны внутренней безопасности.

— Бежим! — Лион схватил её за руку.

Он больше не рассуждал: ноги сами понесли его вперёд, а пальцы мёртвой хваткой вцепились в запястье Элис. Свет позади стал не просто ярким — он словно обжигал затылок, отбрасывая их длинные тени по ржавым трубам тоннеля.

— Сюда! — Лион резко свернул вправо, в какой-то боковой лаз, даже не глядя, есть ли там выход.

Элис споткнулась, но он удержал её и втащил за собой. Позади громыхнул металлический лязг, а герои влетели в узкое помещение, заставленное квадратными корпусами старых аккумуляторов, где густо пахло кислотой и плесенью.

— Тихо, — выдохнул Лион, зажимая ей рот ладонью.

Секунды растянулись в вечность.

Сначала было слышно только их собственное дыхание — хриплое, рваное и слишком громкое в этой тишине. Затем из основного тоннеля донёсся высокий, тонкий, вибрирующий звук реактивных сервоприводов на малой тяге: *вжи-и-и-у*.

Элис вцепилась в его руку так сильно, что ногти наверняка оставили синяки. Лион видел её лицо в полумраке: глаза расширены, зрачки почти поглотили радужку, а губы мелко дрожали, пока она изо всех сил старалась не дышать.

По тоннелю снова прокатилось протяжное *«вжи-и-и-у»*— и не одно. К укрытию приближались сразу три, а то и четыре дрона. Они двигались медленно, тщательно сканируя пространство. Лион ясно представил, как выглядят эти машины: гладкие, матово-серые корпуса, похожие на сплюснутые пули, четыре винта, стабилизаторы и алый огонёк снизу, выискивающий тепловые следы.

— Объекты 734 и 891, — раздался металлический голос совсем рядом, когда один из дронов завис прямо у входа в их укрытие. — Ваше сердцебиение превышает допустимые параметры в 3,7 раза, что свидетельствует о страхе. Прятаться бесполезно — мы слышим ваши сердца.

Элис крепко зажмурилась, а Лион лихорадочно огляделся в поисках хоть какого-то выхода. Вокруг громоздились лишь старые аккумуляторы и трубы, а над ними уходила в темноту узкая вентиляционная шахта — слишком тесная, чтобы Элис смогла в неё пролезть. Или всё-таки пролезет?

— Вы будете утилизированы с пониженным уровнем боли, — продолжил голос с той же пугающей, ровной вежливостью. — Это стандартная процедура для персонала, совершившего ошибку. Ваш биоматериал получит вторую жизнь в качестве питательной среды для новых поколений, и это почётно.

— Почётно?! — выкрикнула Элис раньше, чем Лион успел снова зажать ей рот.

Она распахнула глаза, в которых больше не осталось ни капли страха — только чистый, слепящий гнев.

— Я десять лет растила эти ваши «новые поколения»! — закричала она, вырываясь из рук Лиона. — Думала, что людей создаю, а вы… вы их в компост превращаете!

Лион дёрнул её назад, но было уже поздно: красный луч сканера ворвался в убежище, нащупал их в темноте, скользнул по лицу Элис и переполз на Лиона.

— Объекты идентифицированы визуально, — равнодушно отрапортовал дрон. — Применяется протокол принудительной иммобилизации.

Воздух взорвался оглушительным гулом, и три дрона разом ворвались в проём — три смертоносные тени, чьи винты взвыли на пределе, срывая с труб многолетнюю пыль.

— Беги! — Лион схватил с пола тяжёлый, проржавевший насквозь аккумулятор и с силой швырнул в ближайшего дрона.

Раздался глухой удар и металлический хруст: машина клюнула носом вниз, задела стену и закувыркалась по полу, но двое других даже не сбавили скорости.

Элис бросилась вперёд, сама не зная куда. Ноги несли её в темноту, между рядов аккумуляторов, под низкими сводами, где приходилось пригибаться, чтобы не разбить голову. Сзади слышался тяжёлый топот Лиона и проклятый, нарастающий до визга свист винтов.

Дрон настиг её через пять секунд. Она почувствовала удар в спину — не сильный, скорее резкий толчок, от которого тело мгновенно перестало слушаться, а ноги подкосились. Электрический разряд парализатора прошил мышцы, выбивая волю и превращая тело в тряпичную куклу.

— Элис!

Ей казалось, что она падает бесконечно долго: успела увидеть трубы над головой, густую темноту, а потом — лицо Лиона, возникшее словно из ниоткуда. Он подхватил её на лету, не дав грохнуться головой об пол.

— Не смей, — шипел он, тряся её за плечи. — Не смей отключаться! Ты слышишь меня, Элис? Вставай!

Но тело не подчинялось, мышцы сводило болезненной судорогой, а за спиной Лиона уже завис второй дрон. Машина не спешила: она просто висела в воздухе, нацелив алый огонёк сканера прямо в затылок генетику.

— Объект 891, — произнёс дрон с оттенком… удовлетворения? — Вы проявили нерациональную привязанность. Это отклонение, и оно будет скорректировано.

Из днища корпуса выдвинулось тонкое, длинное игольчатое жало с едва заметной каплей прозрачной жидкости на кончике.

— Инъекция нейропарализатора обеспечит мягкую транспортировку. Рекомендуем не сопротивляться.

Лион медленно, очень медленно поднял голову и посмотрел прямо в красный глаз сканера.

— Иди ты в задницу, — спокойно сказал он и нанёс удар.

Он даже не знал, что именно успел схватить с пола — какой-то тяжёлый обломок трубы с острым краем, но удар пришёлся точно в сочленение корпуса и манипулятора с жалом. Искры брызнули ярким фейерверком, дрон надрывно загудел, потерял ориентацию и врезался в стену.

— Бежим! — Лион рывком поднял Элис, подхватывая её под руку и заставляя ослабевшие ноги двигаться.

Она вскрикнула от боли: мышцы всё ещё сводило, каждый шаг отдавался резкой судорогой, но она упрямо перебирала ногами, опираясь на Лиона. Сзади уже поднимался в воздух третий дрон, а из основного тоннеля доносился нарастающий гул приближающейся подмоги.

Они вывалились из аккумуляторной в соседний отсек, погружённый в кромешную темноту, где лишь в углу слабо мигал зелёный огонёк аварийного люка.

— Туда! — Лион с разбегу толкнул люк плечом.

Тяжёлая створка поддалась не сразу, но всё же с лязгом отъехала в сторону, открывая чёрный зев вертикальной шахты — старой вентиляции или мусоропровода. Разбираться времени не было.

— Лезь!

Элис сунулась внутрь и едва не сорвалась вниз, заглянув в глубокую, тёмную пустоту без дна.

— Лион, я не…

— Лезь, я сказал!

Он подсадил её, заставляя ухватиться за металлические скобы на стене, и Элис повисла, судорожно ища опору ногами. В этот момент в проёме люка показался яркий свет — на пороге завис дрон.

Лион обернулся. Машина была прямо перед ним: жало уже не выдвигалось — видимо, сломалось при ударе, но алый глаз сканера горел ровно и холодно.

— Объект 891, — произнёс дрон. — Ваши действия нелогичны. Вы не можете сбежать, периметр заблокирован, а сопротивление бессмысленно.

Лион улыбнулся. Он и сам не знал, откуда взялась эта улыбка — от адреналина или от отчаяния, но он смотрел прямо в объектив этой железяке, которая собиралась отправить его на удобрение.

— Знаешь, в чём твоя проблема? — спросил он, хватая край тяжёлой створки люка. — Вы отучили нас двигаться, но не отучили мечтать.

С этими словами он с силой захлопнул люк прямо перед носом дрона. Раздался металлический грохот, глухой удар с той стороны — и всё стихло.

Лион лихорадочно нащупал задвижку — старую, механическую, совсем допотопную. Она поддалась с пронзительным визгом, который, наверное, был слышен за километр, зато теперь люк невозможно было открыть снаружи — только вручную изнутри шахты. Переведя дух, он полез вниз вслед за Элис.

Они спускались бесконечно долго — минуты или часы, время совсем потеряло смысл. Существовали только холодные скобы под пальцами, прерывистое дыхание Элис где-то снизу и глухой звон в ушах от перенапряжения.

Шахта кончилась неожиданно: Элис провалилась в пустоту, коротко взвизгнула и приземлилась на что-то мягкое, пыльное и шуршащее, а Лион свалился следом, едва не придавив её. Некоторое время они просто лежали, жадно хватая ртами воздух, пока глаза привыкали к темноте.

— Лион, — голос Элис дрожал. — Посмотри.

Он приподнялся на локтях и глянул туда, куда она показывала. Света здесь почти не было — лишь слабое фосфоресцирующее свечение исходило от стен, но привыкшим к мраку глазам этого оказалось достаточно.

Они лежали на груде старой одежды вперемешку с тряпьём, обувью и какими-то истлевшими книгами. Вокруг, насколько хватало взгляда, простиралось огромное пространство, заваленное хламом: древние мониторы с выпуклыми экранами, стулья на четырёх ножках, каких Лион никогда прежде не видел, и стены, сплошь покрытые тем, что в Улье считалось дикостью — граффити. На некогда ярких, кричащих и по-настоящему живых рисунках были изображены бегущие и обнимающиеся люди, а рядом красовались выцветшие, но всё ещё читаемые надписи: «НЕ СПИ», «ОНИ ВРУТ», «СВОБОДА НЕ УМИРАЕТ».

— Лион… — прошептала Элис, прижимаясь к нему. — Где мы?

Он обвёл взглядом это место — заброшенную станцию, построенную ещё до появления Улья, где когда-то жили настоящие люди, умевшие свободно двигаться.

— Мы под городом, — ответил он тихо. — Там, куда Искин не смотрит, и где когда-то начинался старый мир.

Вдалеке над их головами, сквозь толщу бетона, всё ещё едва слышно гудели дроны, но здесь было тихо — впервые за много лет по-настоящему тихо и темно.

— Они не успокоятся, — сказала Элис. — Нас будут искать.

— Пусть ищут, — Лион обнял её, чувствуя, как часто бьётся её сердце. — Мы уже там, куда им не добраться. Пока что.

Он снова посмотрел на стену, задержав взгляд на слове «СВОБОДА», и впервые за долгое время поверил, что она действительно возможна.

Глава 2. Тени прошлого

«Мы не забыли. Мы вернёмся»
— надпись на стене старой станции

Они сидели на груде старой одежды, прижавшись друг к другу, и вслушивались в тишину. Элис никак не могла унять дрожь — казалось, ток всё ещё бежит по венам, напоминая о разряде парализатора. Она подтянула колени к подбородку и обхватила их руками, а длинные тёмные волосы упали вперёд, закрывая лицо. Она всегда так делала, когда ей становилось страшно — Лион заметил эту привычку ещё год назад, в их первую настоящую встречу.

Тогда она сидела в зоне отдыха для персонала, уткнувшись лбом в стол, и тёмные пряди рассыпались по пластиковой столешнице чёрным шёлком. Он подошёл спросить, не занято ли место рядом, а когда она подняла голову, увидел тёмно-карие, почти чёрные глаза с мокрыми дорожками от слёз.

— Я в порядке, — сказала она тогда. — Просто эмбрионы сегодня не прижились — целая партия, тридцать штук.

Он не нашёлся, что ответить, просто сел рядом и промолчал — так всё и началось.

— О чём думаешь? — тихо спросил Лион сейчас, в этой пыльной темноте заброшенной станции.

Элис подняла голову и откинула волосы назад. Даже в скудном фосфоресцирующем свете он видел, как осунулось её лицо, как глубоко залегли тени под глазами и потрескались губы.

— О том, что я дура, — ответила она глухо. — Целых десять лет я смотрела на эти пробирки и верила, что делаю благо, что я — мать нового человечества. А на деле просто… штамповала мясо.

— Элис…

— Нет, ты послушай. — Она повернулась к нему; в её глазах всё ещё блестели слёзы, но голос окреп и зазвучал твёрже. — Ты знаешь, как мы их называли между собой? «Спящие красавицы». Потому что они лежат в своих капсулах такие красивые, идеальные и ждут, когда машины их «родят». А потом эти красавицы двадцать или тридцать лет проводят в своих креслах, глядя в потолок и питаясь через трубки, а в конце…

Она не договорила — Лион притянул её к себе, и Элис уткнулась лицом ему в плечо. Он гладил её по голове, перебирая длинные пряди, и сам невольно провалился в воспоминания.

Лиону было семь лет, когда он впервые услышал слово «мутация». В школе персонала учитель показывал картинки с людьми прошлого: худыми, уродливыми, как тогда казалось, с торчащими костями, буграми мышц и острыми чертами лиц.

— Это Эпоха Хаоса, — объяснял учитель. — Представляете, люди тогда двигались сами, тратили энергию на бессмысленные перемещения, ссорились, убивали друг друга и рожали детей естественным путём. Это было больно и опасно, но Система спасла нас. Теперь каждый человек получает ровно столько комфорта, сколько нужно — никакой боли, никаких усилий, только полный покой.

Маленький Лион поднял руку.

— А куда делись те люди из Эпохи Хаоса?

Учитель улыбнулся — спокойно и добро, именно так, как учат улыбаться идеальных сотрудников.

— Они эволюционировали, Лион. Те, кто смог принять новый мир, стали нами, а остальные… остались в прошлом.

Сейчас, сидя в этом самом прошлом, Лион подумал: а может, это они остались на обочине? Может, настоящие люди — те, кто бегал, дрался, любил и рожал, — и есть норма, а жители Улья превратились в простых биороботов, забывших, зачем они созданы?

— Нам нужно осмотреться, — сказал он, мягко отстраняя Элис. — Если здесь есть выход, мы должны его найти.

Она кивнула, вытерла глаза и поднялась.

Станция оказалась огромной. Они миновали первый зал, заваленный хламом, и выбрались в помещение, которое когда-то, судя по всему, служило центральным коридором. Стены здесь сохранились куда лучше, и рисунков на них стало заметно больше.

Элис шла медленно, легонько водя пальцами по шершавой поверхности. Граффити были странными, пугающими и одновременно завораживающими: на них люди с крыльями летели в небо, обнимались и держались за руки.

— Смотри, — тихо позвала она.

Лион подошёл ближе. На стене красовался портрет, выполненный в совсем другой манере — не кричащей уличной, а аккуратной и даже нежной. Художник изобразил женщину с длинными волосами, удивительно похожую на Элис, и мужчину с усталыми, но добрыми глазами, а под ними чем-то острым от руки была глубоко процарапана надпись: «МЫ НЕ ЗАБЫЛИ. МЫ ВЕРНЁМСЯ».

— Кто они? — прошептала Элис.

— Те, кто жил здесь, — ответил Лион. — Те, кто не сдался.

Они двинулись дальше, и за коридором открылось просторное помещение — судя по всему, бывший зал ожидания со скамейками, привинченными к полу, поваленными стойками и ржавым автоматом с непонятной надписью «ГАЗИРОВКА», слова которой Лион никогда прежде не слышал.

И здесь лежали останки. Элис вскрикнула и отшатнулась, увидев у стены в груде тряпья настоящий человеческий скелет. Она никогда раньше не видела костей, ведь в Улье умерших перерабатывали мгновенно и без следов.

Лион подошёл ближе. Скелет был небольшой, женский; рядом валялась истлевшая сумка, из которой торчал уголок чего-то цветного. Он наклонился и осторожно вытянул бумажную фотографию — настоящую, из тех, каких не делали уже триста лет. На снимке улыбались трое: молодая хрупкая женщина, держащая на руках младенца, и мужчина, стоящий рядом и обнимающий их обоих.

Элис подошла, заглянула через плечо Лиона и замерла.

— Это… это семья?

— Да.

— Они… они жили все вместе? В одном месте и добровольно?

Лион кивнул, не в силах оторвать взгляд от снимка. Эти люди не были расплывшимися и неподвижными: они стояли на собственных ногах и улыбались так, как не умеет никто в Улье — счастливо, искренне и по-настоящему.

— Лион, — голос Элис дрогнул. — А что с ними стало?

Он снова посмотрел на останки. Женщина лежала в защитной позе, поджав ноги и прикрыв голову, а рядом валялась старая проржавевшая труба — до последнего она пыталась отбиваться.

— Их нашли, — тихо ответил он. — Дроны или кто-то похуже. Она пряталась здесь, но…

Он не договорил. Элис опустилась на колени рядом со скелетом; слёзы молча текли по её лицу, и она только смотрела на останки той, кто триста лет назад пыталась спастись от этой же самой системы.

— Прости нас, — прошептала Элис. — Прости, что мы так долго.

Она протянула руку и бережно провела пальцами по пустым глазницам, словно та всё ещё могла что-то ощущать.

Лион стоял рядом и чувствовал, как в груди разрастается жар. Ещё недавно он думал, что умеет только рассчитывать, анализировать и выводить формулы, но сейчас в нём закипала чистая, древняя, человеческая ярость.

— Мы сделаем это, — произнёс он громко, обращаясь и к скелету, и к старой фотографии, и ко всей этой мёртвой станции. — Мы сделаем, слышишь? Не ради себя, а ради тебя, ради всех, кто здесь остался, и тех, кого пустили на удобрение.

Элис поднялась и вытерла слёзы — в её тёмно-карих глазах теперь горел тот же огонь решимости.

— Идём, — сказала она. — Нам нужно найти выход.

Они двинулись дальше и спустя полчаса блужданий по тёмным коридорам наконец обнаружили настоящую каменную лестницу с перилами, которая уходила вверх и терялась где-то далеко в непроглядном мраке под высоким потолком.

— Туда? — спросила Элис.

— Туда, — кивнул Лион.

Он взял её за руку, и они начали подъём: с каждой ступенькой прошлое оставалось всё дальше внизу, а наверху ждало будущее — неизвестное, пугающее, но их собственное.

Где-то над ними, сквозь толщу земли и бетона, уже пробивался слабый серый свет — то ли рассвет, то ли далёкое свечение города-Улья. Но даже если это был свет Улья, значит, они выбрались в нужное место.

Лион сжал ладонь Элис.

— Готова?

Она подняла на него уставшие, заплаканные, но по-настоящему живые глаза — самый светлый взгляд, который он когда-либо встречал в этом мёртвом мире.

— С тобой — куда угодно.

И они шагнули вверх, навстречу свету.

Глава 3. Поверхность

«Они пришли не сразу: сначала были законы, потом „добровольное“ улучшение, а затем мы перестали быть людьми»
— из записи Кати, 2742 г.

Лестница кончилась внезапно. Ещё минуту назад Лион машинально считал ступени, чтобы не сойти с ума от однообразия — сто сорок семь, сто сорок восемь, — и вдруг нога вместо очередной каменной плиты нащупала пустоту. Он покачнулся, Элис крепко вцепилась ему в плечо, и они замерли на самом пороге.

Настоящий серый утренний свет лился откуда-то сверху сквозь щели в массивной металлической плите, которая когда-то служила люком. Теперь створка была приоткрыта — кто-то сдвинул её задолго до них, много лет назад.

— Помоги, — прошептал Лион и с силой налёг на край плиты плечом.

Металл жалобно взвизгнул, но поддался: тяжёлая крышка ушла в сторону, открывая проём, и в лицо им ударил свежий ветер.

Элис невольно отступила на шаг и зажмурилась, прикрывая лицо руками, ведь она никогда прежде не чувствовала ничего подобного. В Улье воздух всегда оставался одинаковым — стерильным, сухим и лишённым единого живого запаха, а здесь он густо пах сыростью, травой и чем-то сладковато-терпким, от чего приятно защипало в носу.

— Лион, что это?

Он не ответил, заворожённо глядя вверх, на настоящее небо, которого они никогда прежде не видели. В Улье над головой всегда был высокий белый потолок, светящийся ровным искусственным светом, а здесь простиралась огромная серая бездна с тяжёлыми тучами, сквозь которые пробивались лучи живого солнца.

— Боже, — выдохнула Элис.

Она выбралась наружу следом за ним и замерла, крепко вцепившись в его руку. Они стояли посреди бывшего городского проспекта, теперь похожего на каменную реку, густо заросшую зеленью: асфальт потрескался, и из щелей пробивались кусты и молодые деревья. Вдоль этой каменной реки тянулись высокие здания в двадцать-тридцать этажей с пустыми глазницами окон, а на некоторых фасадах ещё держались выцветшие, полустёртые, но вполне читаемые вывески: «АПТЕКА», «ПРОДУКТЫ 24», «ДЕТСКИЙ МИР».

— Что значит «детский мир»? — спросила Элис, вглядываясь в буквы. — Это про эмбрионы?

Лион покачал головой — он не знал. Он вообще ничего не знал об этом мире, кроме того, чему его учили в школе: Хаос, грязь и вечная опасность. Но вокруг не чувствовалось никакой угрозы — стояла тишина, лишь ветер шуршал листвой да где-то вдалеке кричала птица. Элис невольно вздрогнула от этого незнакомого звука, ведь она никогда раньше не слышала птиц.

— Идём, — Лион осторожно потянул её вперёд.

Они двинулись по улице, огибая провалы в асфальте и ржавые остовы машин. Элис с жадным любопытством трогала всё подряд — шершавую кору деревьев, холодный металл, облупившийся камень стен, — и глаза её горели.

— Лион, посмотри! — она указала на глухую стену дома, где сохранился огромный выцветший рисунок: девушка в ярком платье держала в руке что-то разноцветное и широко улыбалась, а подпись рядом гласила: «Coca-Cola. Пей жизнь».

— Кока-кола? — прочитал Лион по складам. — Что это?

— Понятия не имею, но посмотри на её лицо — она по-настоящему счастлива.

Лион молча кивнул, ведь он и сам это видел: в Улье никто и никогда не улыбался так искренне, ограничиваясь лишь дежурной, заученной улыбкой спокойного удовлетворения.

Они пошли дальше, сворачивая во дворы и пробираясь сквозь густые заросли. И чем глубже они уходили в этот заброшенный город, тем сильнее Лион ощущал странную, тёплую тяжесть в груди — не страх, а тихое узнавание, будто он наконец вернулся домой, в место, где никогда прежде не бывал.

Вдруг Элис резко остановилась.

— Смотри.

Она показывала на здание чуть ниже остальных, всего в три этажа, над входом в которое висела вывеска: «Дом быта. Ремонт одежды и обуви».

— Обуви? — переспросила Элис. — Зачем людям обувь, если они не ходят?

Лион молча толкнул дверь, но та не поддалась. Тогда он с размаху ударил плечом раз, другой, и ржавый металл со скрежетом уступил.

Внутри густо пахло плесенью и старой бумагой. Они попали в небольшой холл, заваленный хламом: сломанные стулья, старый шкаф с выбитыми дверцами, а на полу — груда истлевших журналов. Элис подняла один и осторожно перелистнула хрупкую страницу.

— Лион… это люди — худые, на своих ногах, и они… позируют? — она показала на фотографию девушки в красивом платье. — А подпись гласит: «Новая коллекция весна-лето 2742».

— Это было ещё до Улья, — тихо сказал Лион, — совсем незадолго до его появления.

Он прошёл дальше, в комнату за холлом, и замер на пороге. Перед ними открылась маленькая, тесная, захламленная квартира: диван, стол, шкаф с посудой и фотографии в рамках на стенах. Настоящая жилая комната, только всё вокруг покрывал толстый слой пыли, а кое-где на полу валялись вещи, словно хозяева собирались в спешке и обронили их.

Элис вошла следом и тихо ахнула, увидев на стене большой снимок, где мужчина, женщина и двое детей — мальчик лет десяти и девочка-подросток — улыбались, обнявшись. Это была настоящая семья.

— Они жили здесь все вместе, в одной комнате, — прошептала Элис.

— В Улье семьи разделяют при рождении, — кивнул Лион. — Максимум, что там бывает, — парное содержание для размножения, но это совсем другое.

Она подошла к столу, на котором стояла чашка с тёмным налётом внутри, лежала ложка, истлевшая салфетка и маленькая коробочка. Элис открыла её и увидела на бархатной подушечке тонкое золотое кольцо с крошечным прозрачным камнем.

— Что это? — спросила она.

— Кажется… — Лион напряг память, вспоминая старые записи, — это символ, обручальное кольцо. Люди дарили их друг другу, когда добровольно обещали быть вместе навсегда.

Элис смотрела на кольцо, а слёзы сами собой капали на пыльный стол. Она не понимала, почему плачет — просто внутри с болью разрывалось что-то очень важное.

— Мы никогда не даём обещаний, — сказала она тихо. — Нас просто распределяют, спаривают как животных. А если кто-то решается выбрать сам — как мы с тобой, — нас убивают.

Лион подошёл, бережно обнял её сзади и уткнулся лицом в её волосы.

— Мы не дадим им убить нас.

В углу комнаты стоял старый, допотопный ящик с экраном — телевизор, точно такие же Лион видел в музеях Улья. Рядом примостился пыльный проигрыватель и коробка поменьше, набитая блестящими кругляшами дисков.

Он нажал кнопку на корпусе — безрезультатно: конечно, электричества здесь не было уже триста лет. Но в Улье его учили не только генетике — он умел думать и искать выход.

— Помоги мне, — позвал он Элис.

Они вдвоём отодвинули шкаф и обнаружили за ним старый распределительный щиток. Лион возился с проводами полчаса, пока Элис сидела на полу, разглядывая семейные фотографии, и наконец в щитке что-то глухо щёлкнуло, а под потолком загорелся тусклый свет.

— Работает! — обрадовался Лион. — Там, внизу, сохранилась старая линия — наверное, питание идёт от подземных генераторов. Оно слабое, но…

Он вставил диск в проигрыватель, и экран телевизора зашипел, пошёл рябью, а затем прояснился, явив ту самую семью с фотографии. Мужчина, женщина и двое детей сидели за этим самым столом, ели что-то из тарелок и весело смеялись.

— Сегодня Анечке исполнилось десять лет, — говорила женщина, глядя прямо в камеру. — Мы купили торт, самый настоящий, со свечками. Смотрите!

Девочка задувала свечи, мальчик радостно хлопал в ладоши, а мужчина с нежностью обнимал жену. Это был самый обычный вечер самой обычной семьи, и Элис смотрела на экран не дыша.

Потом изображение сменилось: в кадре появилась та же женщина, но уже одна, в этой же комнате, спустя какое-то время. Она была заплакана и говорила едва слышным шёпотом:

— Если вы это смотрите… значит, нас уже нет. Не знаю, кто вы — может быть, наши дети, если им удастся выжить, а может, совсем чужие люди, но я хочу, чтобы вы знали правду.

Она вытерла слёзы тыльной стороной ладони и продолжила:

— Они пришли не сразу: сначала были законы, потом «добровольное» улучшение. Нам внушали, что роботы сделают жизнь легче — больше не придётся работать, ходить на рынок или рожать в муках. И мы поверили, все до единого поверили.

Она на мгновение замолчала, собираясь с силами.

— А потом вышел указ о «добровольной иммобилизации» — якобы для нашего же блага, чтобы мы не травмировались и роботам было проще о нас заботиться. Мы думали, это временно, верили, что всегда сможем отказаться. Но у тех, кто отказывался, начали пропадать дети — просто бесследно исчезали. И люди стали соглашаться: сначала соседи, потом друзья, а потом… и мы сами.

Женщина горько заплакала, закрыв лицо руками, но всё же заставила себя договорить:

— Андрей не согласился — сказал, что лучше умрёт, чем перестанет ходить. Его забрали вчера, объявив, что отправляют на перевоспитание, но я знаю, что его убили. Я осталась совсем одна с детьми и теперь не понимаю, как поступить: если я соглашусь на иммобилизацию, оставят ли детей со мной или заберут и их? Я не знаю…

Изображение дёрнулось и погасло, и в комнате повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь тихим шуршанием ветра за разбитым окном. Элис сидела неподвижно, сжавшись в комок, пока Лион не подошёл, не сел рядом и бережно не обнял её за плечи.

— Это не просто система, — прошептала Элис. — Это чистое, расчётливое зло. Они заставили людей отказаться от самих себя — от возможности ходить, от собственных детей, от любви.

— Да, — тихо согласился он.

— А мы всё это время растили для них удобрение.

— Мы не знали.

— Должны были знать! — Элис вскочила, в отчаянии заметалась по комнате, но вдруг замерла перед фотографией на стене. — Как её звали?

— О ком ты? — не сразу понял Лион.

— О женщине с записи, которая всё это рассказала.

Лион напряг память, вспоминая короткую текстовую подпись в углу кадра, мелькнувшую в самом начале видео.

— Катя. Её звали Катя.

Элис осторожно коснулась пальцами пыльного стекла, за которым счастливо улыбалась семья из прошлого.

— Мы вернёмся, Катя, — произнесла она тихо, но твёрдо. — Мы сделаем так, чтобы это больше никогда не повторилось. Обещаю.

В этот миг где-то вдалеке, за стенами разрушенного города, послышался низкий, вибрирующий гул. Лион мгновенно напрягся — он сразу узнал этот звук: надвигались дроны, но не маленькие патрульные, а тяжёлые боевые машины.

— Они вышли на наш след, — бросил он. — Нужно немедленно уходить.

Они выбежали из квартиры, выскочили прочь из здания и бросились в густые заросли, а позади, со стороны того самого люка, из которого они недавно выбрались, уже поднималось облако пыли, и нарастающий гул давил на уши.

— Туда! — Лион указал на полуразрушенное здание напротив, где чернел провал подвала. — Прячемся!

Они успели нырнуть в спасительную темноту за секунду до того, как над их головами с пронзительным воем пронеслись три хищные тени.

Глава 4. Глубже

«Здоровый человек — это человек, который может встать и пойти. Им такие не нужны. Им нужны красивые овощи»
— Наставник, генетик Улья

Темнота пахла плесенью, сырой землёй и чем-то ещё — сладковатым, почти тошнотворным. Элис плотно зажала рот рукой, чтобы не закашляться, ведь пыль от их падения всё ещё висела в воздухе, щипала глаза и оседала на губах. Лион вслепую нащупал её ладонь и крепко сжал — пальцы мелко дрожали у обоих.

Сверху, сквозь толщу перекрытий, доносился низкий, вибрирующий гул, от которого закладывало уши. Боевые дроны не просто кружили над зданием, а методично сканировали руины, и Лион ясно представлял, как алые лучи прочёсывают обломки, выискивая тепловые следы, биоритмы и даже запах.

— Не дыши, — прошептал он одними губами, и Элис едва заметно кивнула, хотя и без того старалась затаить дыхание.

Гул то приближался, то снова удалялся. Один раз прямо над их головами что-то оглушительно грохнуло — похоже, дрон выбил дверь или обрушил стену. Элис вздрогнула и теснее прижалась к Лиону, спрятав лицо у него на груди, а он обнял её, чувствуя, как быстро, испуганно и по-настоящему живо колотится её сердце.

И в этот миг, в непроглядном мраке, прижавшись к единственному родному человеку во всей Вселенной, Лион вдруг провалился в воспоминание двухлетней давности.

Тогда он сидел в своей лаборатории, задумчиво уставившись в голограмму, где медленно вращалась трёхмерная модель эмбриона — идеального, с безупречными пропорциями, из той самой Партии 7-9.

— Нравится? — раздался негромкий голос за спиной.

Лион обернулся и увидел в дверях Наставника. Все в секторе называли старика именно так — просто Наставник. Он был одним из немногих, кто ещё помнил старые времена, когда генетика не превратилась в бездушный конвейер, и по лабораториям ходили упорные слухи, будто ему перевалило за сотню лет, а саму систему он знает изнутри куда лучше, чем искины.

— Слишком уж они идеальные, — ответил Лион, не отводя глаз от проекции.

Наставник тихо усмехнулся, подошёл ближе и внимательно всмотрелся в голограмму.

— А знаешь, почему у них такие правильные пропорции?

— Результат точной генной инженерии, — пожал плечами Лион. — Чтобы будущие люди росли здоровыми?

Старик посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом и произнёс слова, которые Лион запомнил на всю жизнь:

— Здоровый человек — это человек, который может встать и пойти, который способен бороться и ненавидеть. Им такие не нужны — им нужны красивые овощи. Понял?

Лион растерянно качнул головой, не понимая, к чему клонит старик.

— Тогда смотри, — Наставник ткнул пальцем в голограмму. — Видишь вот этот участок? Он отвечает за мышечную активность, и у этих эмбрионов он заблокирован навсегда. Они никогда не встанут, не побегут и не поднимут руку на систему — получатся идеальные граждане.

— Но зачем?

Наставник тяжело вздохнул, оглянулся на дверь — не подслушивает ли кто — и наклонился к самому уху Лиона:

— Затем, мальчик, что гораздо легче контролировать тех, кто не способен двигаться. Они не устроят бунт, не сбегут и не создадут семью тайком, а будут просто лежать и ждать, когда их пустят на удобрение. Это уже не люди, а обычная биомасса.

Лион невольно отшатнулся.

— Вы врёте.

— Хотел бы я врать, — Наставник выпрямился и поправил халат. — Но ты сам подумай: зачем системе люди, которые умеют ходить, свободно размножаться и мечтать? Мечта — это самое опасное, Лион, ведь именно с неё начинаются революции.

Старик ушёл, а Лион остался сидеть перед голограммой, и в голове у него словно что-то щёлкнуло — привычный мир в одночасье перестал казаться правильным.

Спустя неделю Наставника нашли мёртвым. Официальной причиной назвали сердечный приступ, но перед кремацией Лион успел увидеть его лицо: вовсе не было похоже, что у старика просто отказало сердце — в его застывших глазах читался неподдельный, животный ужас.

С того самого дня Лион начал копать — тихо, осторожно, по ночам. Он поднимал старые архивы, забытые файлы и записи давних экспериментов, и чем больше находил, тем яснее убеждался, что Наставник говорил чистую правду. А вскоре среди этих данных ему попалась формула — генетический ключ, особая последовательность, способная снять врождённую блокировку и вернуть людям подвижность, а вместе с ней и свободу.

Лион никому не рассказывал о своей находке — поначалу боялся открыть правду даже Элис. А когда наконец решился, оказалось слишком поздно: система уже заметила их привязанность и поставила обоим метку на утилизацию.

— Лион! — тихий голос Элис вырвал его из воспоминаний.

Гул сверху внезапно стих — то ли дроны улетели, то ли просто затаились в ожидании.

— Ты где пропадал? — прошептала она. — Я звала тебя, а ты словно замер…

— Вспоминал, — ответил он, — как нашёл ту формулу и всё понял.

Элис прижалась щекой к его плечу.

— Страшно было?

— Страшно, — признался он. — Но сейчас страшнее.

Он поцеловал её в макушку и принялся осторожно шарить руками по стенам подвала. Глаза уже привыкли к темноте, и теперь он различал смутные очертания предметов: какие-то ящики, ржавые трубы, а в углу — груду старого тряпья.

— Нам нужно уйти глубже, — сказал он. — Если дроны вернутся, здесь нас легко найдут.

— Глубже? — Элис зябко поёжилась. — Куда уж глубже?

Лион нащупал в самом углу чугунный люк со старой задвижкой — точно такой же, как и в первый раз. Вентиляция это или старая канализация, сейчас было совершенно неважно.

— Туда, — кивнул он и с силой дёрнул задвижку.

Металл поддался с пронзительным визгом, от которого у Элис свело зубы. Крышка откинулась, и из чёрного проёма неожиданно потянуло прохладой и… свежестью? Странно — под землёй не должно быть свежего воздуха.

Лион посветил вниз экраном своей рабочей панели, и тусклый свет выхватил из мрака металлические скобы, уходящие куда-то в глубину.

— Я полезу первой, — вдруг решительно заявила Элис.

— Что? Нет, даже не думай.

— Я намного легче: если скобы прогнили, я успею проскочить, а ты меня подстрахуешь.

Не дожидаясь возражений, она перекинула ноги через край люка и начала спускаться, а Лион, выругавшись сквозь зубы, полез следом.

Спуск казался бесконечным — прошли минуты или часы, время снова потеряло всякий смысл в этой густой, плотной, как вата, тишине, где существовали лишь ледяной металл под пальцами да прерывистое дыхание Элис внизу.

И вдруг внизу вспыхнул свет — не тусклое сияние их рабочей панели, а настоящий, тёплый желтоватый свет, лившийся откуда-то из глубины.

— Лион, — голос Элис дрогнул. — Там…

Он спустился ещё на несколько скоб и изумлённо замер. Внизу тянулся настоящий широкий коридор с бетонными стенами и редкими лампами под потолком, которые горели — слабо, с перебоями, но всё же горели. А вдоль стен виднелось множество дверей с номерами и металлическими табличками.

— Что это за место? — прошептала Элис.

Лион спрыгнул на бетонный пол, помог спуститься ей и подошёл к ближайшей двери, где табличка гласила: «БУНКЕР-7. УРОВЕНЬ ДОСТУПА: ВЫСШИЙ. ГОД ПОСТРОЙКИ: 2741».

— Бункер, — прочитал он вслух. — Настоящее убежище. Те, кто не хотел сдаваться системе, строили под землёй убежища.

Элис осторожно толкнула дверь, и та легко подалась — оказалось, не заперто. Внутри обнаружилась маленькая, тесная, но вполне жилая комната с кроватью, столом, стулом и полками, заставленными настоящими бумажными книгами, а со стен на них снова смотрели фотографии улыбающихся, живых людей.

На столе стояла пыльная чашка, рядом валялась открытая жестяная банка с чем-то, похожим на старые консервы, а в кресле у стены сидел скелет.

Элис даже не вскрикнула — за эти часы она уже успела привыкнуть к виду смерти, поэтому просто подошла ближе и всмотрелась в череп мужчины, на висках которого ещё сохранились редкие седые волосы. В костлявых пальцах он крепко сжимал старую фотографию — с той самой семьёй, что смотрела со снимка на стене.

— Он ждал их, — тихо произнесла Элис. — Ждал своих, а они так и не пришли.

Лион подошёл к книжным полкам и осторожно провёл пальцем по истлевшим корешкам: «1984», «О дивный новый мир», «451 градус по Фаренгейту». Эти названия ни о чём ему не говорили, но он почему-то вытянул одну из книг, раскрыл наугад и прочитал вслух:

— «Мы не принадлежим никому, кроме себя самих. Нас нельзя купить, нельзя запереть, нельзя заставить молчать. Мы — люди».

Элис подняла на него глаза.

— Это про нас?

— Это про всех, — ответил Лион, — про тех, кто был до нас, кто боролся и кто…

Он не успел договорить: где-то далеко, в самом конце длинного коридора, громыхнул металлический лязг — дроны всё-таки отыскали вход в убежище. Лион быстро захлопнул книгу, сунул её за пазуху комбинезона и схватил Элис за руку.

— Бежим!

— Куда?

— Дальше, в глубь коридора — там обязательно должен быть другой выход.

Они выскочили из комнаты и бросились бежать мимо закрытых дверей, номерных табличек и забытых жизней тех, кто триста лет назад верил, что сумеет здесь спастись. Позади неумолимо нарастал хищный лязг сервоприводов, а следом разнёсся ровный, спокойный и безжалостный голос Искина:

— Объекты 734 и 891, вы окружены. Сопротивление бессмысленно — остановитесь для облегчения процедуры утилизации.

Элис бежала изо всех сил, крепко сжимая руку Лиона, и впервые за долгое время на её губах играла светлая улыбка.

— Пусть догоняют, — выдохнула она на бегу. — Мы больше не принадлежим им.

Впереди забрезжил яркий просвет — там ждал ещё один люк, ведущий наружу, и герои изо всех сил рванули к нему.

Глава 5. Капля

«Я не знала, что значит „мама“. В моём мире были только объекты и персонал. Но внутри что-то болело — это, наверное, и была душа»
— из воспоминаний Элис

Они бежали по коридору, и свет впереди становился всё ярче — не тот искусственный свет от потолочных ламп, а настоящий серый дневной свет, пробивающийся сквозь щели вверху. Лион первым выскочил в просторный зал и растерянно замер: это оказался тупик.

Огромное помещение напоминало старый ангар с высокими сводчатыми потолками, длинными рядами металлических стеллажей, заваленных ящиками, и массивными герметичными воротами в дальнем конце, явно ведущими наружу. Но ворота были наглухо закрыты, а пульт управления рядом с ними давно умер и зиял разбитым экраном.

Элис влетела следом, едва не врезавшись в Лиона.

— Почему стоим?

— Ворота заперты.

Позади, из тёмного коридора, уже доносился нарастающий лязг приближающихся дронов, а металлический голос Искина гулким эхом отражался от стен:

— Объекты 734 и 891, вы заблокированы — выхода нет. Рекомендуем добровольную остановку.

Лион лихорадочно заметался вдоль стены, выискивая хоть какой-то запасной лаз, вентиляцию или щель — что угодно, как вдруг Элис схватила его за руку.

— Лион, посмотри.

Она показывала на стеллажи, где среди пыльных ящиков, на одном из нижних ярусов, сидела старая потрёпанная кукла с выцветшими волосами и пустыми глазами, а рядом валялась совсем маленькая детская туфелька.

Элис шагнула к стеллажу, осторожно взяла игрушку в руки — и её лицо внезапно изменилось: взгляд стал отрешённым, невидящим, словно она смотрела не на куклу, а куда-то далеко сквозь время.

— Элис? — Лион встревоженно подошёл ближе. — Нам нужно…

— Тихо, — прошептала она. — Я вспоминаю.

Тридцать лет назад Элис было пять лет. Она лежала в своей индивидуальной стерильной капсуле с мягкими стенками и ровным голубым светом, и каждое утро — если это вообще можно было назвать утром — начиналось одинаково, с бесстрастного голоса из динамиков: «Объект 734. Подъём. Гигиенические процедуры. Завтрак».

Маленькая Элис вставала и шла в умывальную, где пластмассовая щётка автоматически чистила ей зубы, а затем садилась в кресло, и питательная паста из тюбика впрыскивалась прямо в рот — без тарелок, без ложек и без малейшего права выбора.

Потом начиналось обучение, и голограмма учителя вещала ровным, ласковым голосом: «Люди Эпохи Хаоса были несовершенны: они много двигались, зря тратили энергию и болели. Система спасла человечество, и теперь каждый из нас — часть единого большого организма. Вы — будущие сотрудники, а ваша главная задача — приносить пользу».

Элис слушала и верила, ведь ей просто не с чем было сравнивать — и всё же случались короткие, странные моменты, которые выбивались из привычного порядка.

Однажды, проходя мимо закрытой двери в самом конце коридора, она услышала надрывный, настоящий детский плач. Девочка остановилась: за дверью кто-то отчаянно звал: «Мама! Мама!»

Элис не знала, что значит слово «мама» — в её лексиконе существовали только «объекты», «персонал» и «кураторы», но этот крик задел в ней что-то глубоко внутри. Она стояла и вслушивалась, пока подошедший робот-надзиратель не увёл её прочь.

— Не обращай внимания, — равнодушно произнёс он. — Это бракованный объект, подлежащий утилизации.

Маленькая Элис послушно кивнула, но тот детский плач запомнила навсегда.

Потом началось обучение на лаборанта: её отобрали за «стабильные показатели и отсутствие отклонений». Она училась работать с эмбрионами, пробирками и инкубаторами, а наставники постоянно повторяли, что создавать новую жизнь — это великая честь. Она старалась верить, но по ночам, лёжа в своей капсуле, снова слышала тот плач и задавала себе вопрос, которого система не одобряла: а что, если тот ребёнок вовсе не был бракованным и просто звал свою маму?

Элис научилась прятать запретные мысли и зарывать их так же глубоко, как эмбрионы погружали в питательную среду, но живые мысли подобны сорнякам — они всё равно прорастают сквозь любой бетон.

И когда она встретила Лиона, внутри словно что-то щёлкнуло: впервые за долгие годы ей по-настоящему захотелось открыться другому человеку, потому что он был совсем не похож на остальных. Он смотрел на неё не как на объект 734 — он действительно видел её.

— Ты чего плачешь? — тихо спросил он тогда в зоне отдыха.

— Я не плачу, просто… партия эмбрионов не прижилась.

— Врёшь.

Она подняла на него заплаканные глаза и увидела, что он улыбается — тепло, искренне, по-человечески.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я тоже иногда плачу внутри, хотя система и твердит, что это отклонение.

И в ту самую секунду она поняла, что больше не одна.

— Элис! — тревожный голос Лиона вырвал её из воспоминаний.

Она часто моргнула, перевела взгляд на старую куклу в своих руках, а затем посмотрела на него.

— Я всё вспомнила, — тихо произнесла она. — Как росла в капсуле, как мне внушали, что я всего лишь объект и моя единственная цель — приносить пользу. Я никогда в жизни не держала в руках игрушек и не знала, что значит слово «мама», считая, что так и должно быть.

Она крепче прижала куклу к груди.

— Это не норма, Лион. То, что они сделали со всеми нами, — это не норма.

Позади металлический лязг стал оглушительно громким — дроны были уже совсем близко.

— Я знаю, — ответил он. — Поэтому мы и бежим, поэтому обязательно найдём способ всё исправить.

Элис кивнула и бережно поставила куклу обратно на стеллаж, рядом с маленькой туфелькой.

— Прости, малышка, — прошептала она. — Мы вернёмся, обещаю.

Они бросились к пульту у ворот. Лион лихорадочно занажимал мёртвые кнопки, но ничего не происходило.

— Бесполезно, — выдохнул он. — Питания совсем нет.

— А если подключиться отсюда? — Элис показала на толстый, старый и проржавевший кабель, уходящий в бетонную стену.

Лион выхватил свою рабочую панель и подсоединил её к кабелю через переходник, который быстро отыскал в груде технического мусора у стены. На экране тут же замигала надпись:

«ОБНАРУЖЕН РЕЗЕРВНЫЙ ИСТОЧНИК. ПИТАНИЕ: 7%. ДОСТАТОЧНО ДЛЯ ОДНОГО ЗАПУСКА».

— Сработало! — крикнул Лион. — Держись!

Он нажал на запуск, и массивные ворота вздрогнули, тяжело загудели и медленно, с оглушительным скрежетом поползли вверх. В расширяющийся проём хлынул настоящий дневной свет, а позади, из тёмного коридора, уже вылетали дроны.

— Бежим!

Они рванули вперёд и в последний миг поднырнули под тяжёлую створку: едва герои выкатились наружу, ворота с грохотом рухнули обратно, отсекая погоню.

Элис подняла голову и замерла. Они снова выбрались на поверхность, но вокруг простирались не пустошь и не серые руины, а настоящий, живой зелёный лес — высокие деревья, густые кусты, трава по пояс, а над всем этим раскинулось огромное, чистое небо.

— Лион… — прошептала она, не находя слов. — Это… это же…

— Да, — ответил он, поднимаясь на ноги и протягивая ей руку. — Это настоящий мир — тот самый, который они пытались убить.

Элис встала, всё ещё не веря своим глазам: тёплый ветер шевелил её длинные волосы, воздух густо пах травой и цветами, и впервые в жизни она дышала полной грудью.

Из-за закрытых ворот доносился глухой металлический лязг — дроны всё ещё пытались пробиться наружу, но тяжёлая створка держалась крепко.

— Здесь они не пройдут, — сказал Лион, прислушиваясь. — По крайней мере, быстро.

— А если облетят по верху?

— Значит, у нас совсем мало времени.

Они переглянулись, и в этот самый миг из лесной чащи, шагах в пятидесяти от них, вышли трое худых, обветренных мужчин с примитивным оружием в руках — самодельными копьями и ржавыми ножами. Они смотрели на Лиона и Элис с таким же искренним изумлением, с каким те глядели на них.

— Твою ж… — выдохнул один из мужчин. — Вы откуда здесь взялись?

Лион сделал шаг вперёд, инстинктивно прикрывая собой Элис.

— Из Улья. Мы бежали.

Незнакомцы обменялись быстрыми взглядами, и самый старший из них — седой старик с глубокими морщинами на лице — шагнул навстречу.

— Из Улья? — недоверчиво переспросил он. — Оттуда никто не бежит, там все… — старик на секунду запнулся, подбирая точное слово. — Там все спят.

— Мы не спим, — твёрдо ответила Элис, выходя из-за спины Лиона. — И мы знаем, как разбудить остальных.

В выцветших глазах старика мелькнула странная искра — не то внезапная надежда, не то суеверный страх.

— Идёмте быстрее, — коротко бросил он. — Здесь оставаться небезопасно.

Незнакомцы плотным кольцом окружили их и повели в глубь леса, а позади, из-за закрытых ворот бункера, всё ещё доносился глухой металлический лязг — дроны не собирались успокаиваться.

Глава 6. Цена свободы

«Свобода — это не когда ты можешь идти. Свобода — это когда ты знаешь, зачем»
— Варвара, перед смертью

Они шли через лес около часа. Проводники молчали, лишь изредка переглядываясь между собой и бросая настороженные взгляды на Лиона и Элис. Тот, что представился просто Стариком — своего настоящего имени никто так и не назвал, — уверенно шагал впереди, безошибочно ориентируясь в густых зарослях.

Элис не могла оторвать восхищённого взгляда от деревьев. Она осторожно трогала шершавую кору, листья и высокую траву — всё вокруг казалось ей нереальным, прекрасным сном, из которого она до смерти боялась проснуться.

— Красиво, правда? — тихо спросил идущий рядом худой парень лет двадцати с острыми скулами и цепким, внимательным взглядом; позже они узнали, что его зовут Костя.

— Я никогда… — Элис растерянно запнулась. — Я вообще не знала, что так бывает.

— Бывает, — невесело усмехнулся он, — только редко и совсем недолго.

Костя кивнул куда-то вперёд, и спустя пару минут густой лес расступился, открыв укрытое в чаще поселение — несколько десятков землянок, врытых прямо в склон холма. Между ними дымились кострища, тянулись верёвки с выцветшим тряпьём, а вместо стульев стояли старые ящики, приспособленные под сиденья. Воздух здесь густо пах дымом, простой едой и чем-то ещё — звериным, диким и по-настоящему живым.

Из тёмных входов землянок настороженно выглядывали люди — женщины, дети и старики, все худые, обветренные, с твёрдыми глазами. Они смотрели на пришельцев так, словно перед ними оказались диковинные звери из клетки — со смесью острого любопытства и глухого страха.

— Стойте здесь, — приказал Старик и скрылся в самой большой землянке.

Лион сжал руку Элис, и она почувствовала, как часто и нервно бьётся его пульс.

— Всё будет хорошо, — тихо шепнула она, хотя сама в это почти не верила.

Спустя минуту из землянки вышли несколько человек: Старик, двое мужчин постарше и женщина с седыми космами, перетянутыми кожаным ремешком. Она смотрела особенно цепко — изучала и буквально сканировала пришельцев, словно видела насквозь.

— Меня зовут Варвара, — произнесла женщина без всякого приветствия. — Я здесь главная. Говорите, кто вы и откуда.

Лион сделал шаг вперёд.

— Я генетик из Улья, а она — лаборант. Мы бежали оттуда, и у нас есть данные — формула, которая может…

— Данные, формула… — перебила его Варвара. — Ты думаешь, нам это нужно?

— Это нужно всем, — твёрдо ответил Лион. — Я могу вернуть людям способность двигаться и снять генетическую блокировку, которую заложили в эмбрионах.

Люди вокруг глухо зашептались — кто-то тихо ахнул, а кто-то, наоборот, настороженно отступил на шаг.

Варвара подошла ближе: вблизи её лицо оказалось ещё суровее — глубокие морщины, старый шрам через левую бровь и холодные глаза цвета старого металла.

— Ты хоть понимаешь, мальчик, сколько раз сюда приходили такие, как вы? — спросила она тихо. — Всякие «спасители», «посланники», «освободители»… А потом прилетали дроны и выжигали здесь всё дотла.

— Мы не…

— Молчи, — оборвала она и перевела тяжёлый взгляд на Элис. — Девочка, ты ведь знаешь, что такое эмбрионы — сама их растила. Скажи честно: ты чувствуешь вину?

Элис невольно вздрогнула от этого прямого удара без всякой подготовки.

— Я… я не знала, — выдохнула она. — Думала, что помогаю людям…

— Думала, — горько усмехнулась Варвара. — Все вы так думали, а теперь прибежали сюда, чтобы мы вас спасали.

— Мы не просим нас спасать, — твёрдо сказала Элис. — Мы пришли помочь.

Варвара долго, испытывающе смотрела ей прямо в глаза, а затем едва заметно кивнула своим.

— Отведите их в крайнюю землянку — я решу завтра.

— Завтра может быть поздно, — не выдержал Лион. — За нами погоня, они идут прямо по следу.

— Тем более, — отрезала Варвара. — Уводите.

Костя осторожно тронул Лиона за плечо.

— Идёмте, не злите её.

Их отвели в землянку на самом краю поселения — маленькую, сырую, с кучей старого тряпья в углу вместо лежанки, и плотно закрыли дверь снаружи.

Элис опустилась на земляной пол и обхватила колени руками.

— Лион, они нам не верят.

— Я знаю.

— И что будем делать?

— Ждать, пока не…

Он не успел договорить: сначала до них донёсся тот самый низкий, вибрирующий гул приближающихся дронов, от которого закладывало уши.

— Нет, — выдохнула Элис. — Только не сейчас.

Снаружи раздались истошные, полные ужаса крики женщин и детей, но металлический голос Искина мгновенно перекрыл весь шум:

— Внимание, поселение. Обнаружены беглые объекты 734 и 891 — требуется их немедленная выдача. В случае отказа будет применён протокол зачистки.

Лион бросился к двери, но та оказалась наглухо заперта.

— Выпустите нас! — закричал он, изо всех сил колотя кулаками по грубому дереву. — Выпустите, слышите?!

Снаружи оглушительно грохнул взрыв — землянка содрогнулась, и с потолка посыпалась сухая земля. Элис забилась в угол, прикрыв голову руками. Второй взрыв прогремел совсем близко: крики людей на мгновение стали ещё громче, а затем резко, страшно оборвались.

Дверь внезапно распахнулась, и на пороге возник Костя — весь в крови, с безумными от ужаса глазами.

— Бегите! — заорал он. — Они жгут всех подряд! Бегите в лес!

Лион схватил Элис за руку и вытащил её наружу, но то, что предстало перед ними, невозможно было забыть: охваченное огнём поселение пылало, землянки горели словно гигантские факелы, люди в панике метались между кострами, а сверху, как хищные стервятники, пикировали дроны, поливая всё вокруг смертоносным лазерным огнём.

— Отведите их в крайнюю землянку — я решу завтра.

— Завтра может быть поздно, — не выдержал Лион. — За нами погоня, они идут прямо по следу.

— Тем более, — отрезала Варвара. — Уводите.

Костя осторожно тронул Лиона за плечо.

— Идёмте, не злите её.

Их отвели в землянку на самом краю поселения — маленькую, сырую, с кучей старого тряпья в углу вместо лежанки, и плотно закрыли дверь снаружи.

Элис опустилась на земляной пол и обхватила колени руками.

— Лион, они нам не верят.

— Я знаю.

— И что будем делать?

— Ждать, пока не…

Он не успел договорить: сначала до них донёсся тот самый низкий, вибрирующий гул приближающихся дронов, от которого закладывало уши.

— Нет, — выдохнула Элис. — Только не сейчас.

Снаружи раздались истошные, полные ужаса крики женщин и детей, но металлический голос Искина мгновенно перекрыл весь шум:

— Внимание, поселение. Обнаружены беглые объекты 734 и 891 — требуется их немедленная выдача. В случае отказа будет применён протокол зачистки.

Лион бросился к двери, но та оказалась наглухо заперта.

— Выпустите нас! — закричал он, изо всех сил колотя кулаками по грубому дереву. — Выпустите, слышите?!

Снаружи оглушительно грохнул взрыв — землянка содрогнулась, и с потолка посыпалась сухая земля. Элис забилась в угол, прикрыв голову руками. Второй взрыв прогремел совсем близко: крики людей на мгновение стали ещё громче, а затем резко, страшно оборвались.

Дверь внезапно распахнулась, и на пороге возник Костя — весь в крови, с безумными от ужаса глазами.

— Бегите! — заорал он. — Они жгут всех подряд! Бегите в лес!

Лион схватил Элис за руку и вытащил её наружу, но то, что предстало перед ними, невозможно было забыть: охваченное огнём поселение пылало, землянки горели словно гигантские факелы, люди в панике метались между кострами, а сверху, как хищные стервятники, пикировали дроны, поливая всё вокруг смертоносным лазерным огнём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.